

**Посвящается памяти моей мамы Маршавиной Марии Григорьевны
и моей бабушки Маршавиной Евгении Ивановны.**

*Саламатовка —
Родина предков,
Заповедный, неведомый край.
Там кивает мне хвойная ветка
И вороний приветствует грай.
Желтых листьев летят телеграммы,
Позолотой осенней звеня.
Где-то там моя юная мама,
И не знает пока про меня...*

ПРОЛОГ

«Ну что, внучек, поумнел?» Всякий раз спрашивала меня моя бабушка Евгения Ивановна, когда наша семья — папа, мама, я и моя младшая сестренка Алла, отправляясь из Заполярного города Мурманска на летний отдых в город Сочи проездом через Москву, на день — два останавливалась погостить в ее небольшой коммуналке в Перово. «Поумнел, бабушка, поумнел»,— отвечала за меня моя мама, поглаживая меня по коротко стриженной под полубокс голове. Я же улыбался и помалкивал, видимо соображая, насколько именно за последний год я поумнел. Затем бабушка со словами:— «Сейчас картошечки наворим», отправлялась по длинному узкому коридору на общественную кухню, где стояло много газовых плит и почти возле каждой хлопотала хозяйка.

Дом, в котором жила моя бабушка, был построен в послевоенное время пленными немцами. Как в песне Владимира Высоцкого: — «На тридцать восемь комнаток всего одна уборная...» Но тогда на эти неудобства особо никто внимания не обращал. Все жили одной большой дружной коммунальной семьей.

Вскоре бабушка возвращалась из кухни. В руках у нее была большая алюминиевая кастрюля, из которой клубами валил ароматный пар от только что сваренной картошки в мундире. Затем из холодильника на обеденный стол переключивали колбаса, соленые огурчики и квашеная капуста, которую бабушка умела готовить по своему, особому рецепту. Наконец все садились за стол, и начиналась трапеза. Когда дело доходило до чаепития, бабушка доставала и своего старинного серванта заветную баночку моего любимого варенья из золотисто-желтой мирабели, и мы с удовольствием пили ароматный чай. Потом взрослые заводили разговоры на всякие серьезные темы или просто весело болтали о пустяках, а мы с сестрой шли во двор играть в большой пестрый мяч, похожий на глобус. С какой душевной теплотой я вспоминаю то далекое время!

Моя бабушка не была коренной москвичкой. Эта приятная, располневшая с годами простая русская женщина с натруженными руками сочетала в себе нравственную чистоту и трудолюбие, которые формирует именно крестьянская среда. До войны она вместе со своим мужем Маршавиным Григорием Ивановичем и пятерыми детьми — Александром, Руфиной, Марией (моей будущей мамой), Анатолием и Валентином, жила в деревне Саламатовка Епифановского района Тульской области.

Уже давно ушли из жизни мои родственники, но осталась в моем сердце память об этих дорогих мне людях. И, конечно же, остались в моих воспоминаниях рассказанные ими истории их жизни, которыми я хочу поделиться со своими читателями.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

СЕМЬЯ

МАРШАВИНЫ

Мой дед Маршавин Григорий Иванович, худой, жилистый, выше среднего роста человек, с умным, внимательным взглядом и строгим лицом, служил лесником в деревне. Это был настоящий хозяин. Своими сильными, цепкими руками он мог выполнить любую работу по дому. Службу свою Григорий Иванович знал добре и был человеком честным и порядочным, за что и снискал уважение односельчан. Бывали случаи, когда ему предлагали «закрыть глаза» на незаконную вырубку леса, обещая отблагодарить за это «по-человечески». И хотя время было нелегкое, ни разу Григорий Иванович не пошел на сделку со своей совестью. Жили не богато, но не унывали. Вечерами односельчане собирались на большой поляне, пели частушки, танцевали кадрили под тульскую гармонию. А затем, под залиvistый лай дворовых собак расходились по домам. В деревнях многие держали собак. Дело обычное. Был и у моей родни дворовой пес по кличке Шарик. Казалось бы, простая собака, каких в деревнях пруд пруди, но была у Шарика особая, человеческая душа. Заглянет в глаза и смотрит внимательно так, будто он все про тебя понимает, только сказать не может.

Как-то поздней осенью собралась Евгения Ивановна на реку Сизовку, белье полоскать. Шарик увязался за ней. Подошла она к реке, взяла в руки пододеяльник, размахнулась и, не удержавшись на скользких мостках, упала в ледяную воду. Ее одежда и пододеяльник намокли, и бедная женщина стала тонуть. Затем пододеяльник надулся, напоминая собой воздушный пузырь, и, держась за его края, Евгении Ивановне удавалось какое-то время оставаться на плаву. Сообразительный пес сразу понял, в чем дело, и со всех ног пулей помчался в деревню предупредить о случившейся беде. Григорий Иванович в это время что-то мастерил во дворе. Шарик с громким лаем кинулся к нему и, вцепившись зубами в старую армейскую гимнастерку, стал рывками тянуть в сторону Сизовки. Схватив висевший на заборе моток веревки, Григорий Иванович помчался к реке. Каким-то чудом Евгении Ивановне еще удавалось держаться на поверхности воды. Подбежав к реке, Григорий Иванович с размаху бросил ей один конец веревки. Окаменевшими от холода руками несчастная женщина все же смогла ухватиться за ее конец, и вскоре была уже на берегу. После этого случая Евгения Ивановна долго болела и только к весне смогла встать на ноги. Когда она выходила во двор, Шарик тут же подходил к ней, преданно заглядывая в глаза. Иногда он садился рядом со своей хозяйкой, подставляя ей широкую кудлатую спину. Тогда она брала в руки деревянную чесалку и начинала вычесывать Шарика, доставляя ему при этом огромное удовольствие, отчего он даже закрывал глаза и высовывал большой, похожий на лопату влажный язык. При этом Евгения Ивановна начесывала с Шарика приличные клубки шерсти. Затем она брала в руки прялку и начинала прясть шерсть на веретено. Вот так, благодаря Шарика, у всех домашних были теплые варежки, носки и даже шаль, которую Евгения Ивановна повязывала себе на поясницу, когда наступали холода или когда у нее начинала ломить спина.

В ноябре 1939 года заболел Григорий Иванович. Врачи районной больницы обнаружили у него туберкулез легких. То ли сказалась пагубная привычка много курить, то ли еще что, да только таял он на глазах, как свечка. В довоенное время не было эффективных средств лечения туберкулеза. Умер Григорий Иванович 30 апреля 1940 года. Проводить его в последний путь пришло все село. Осунувшаяся, с припухшими от слез глазами, Евгения Ивановна стояла возле могилы своего мужа. Тяжелые думы одолевали ее. Потеря кормильца была серьезным ударом для семьи, но надо было как-то жить дальше. Старшему Александру в ту пору уже исполнилось восемнадцать лет, Руфине — тринадцать, Марии — десять, Анатолию — шесть, а самому младшему Валентину всего три года. И у каждого свой характер. Широкоплечий, жилистый Александр внешне походил на своего отца, — был мастеровитым, серьезным, во всем любил порядок. Руфина — второй ребенок в семье, была самой красивой девочкой в деревне. Она всегда любила что-нибудь перешивать из старых тряпок. Это детское увлечение в будущем помогло ей в выборе профессии (моя тетья Руфа стала замечательной портнихой). Третья — Мария, душевная, послушная девочка, с милым, приветливым лицом, была незаменимой помощницей в доме и самым любимым ребенком Григория Ивановича. Четвертый — Анатолий, хотя внешне и походил на своего отца, однако нраву был веселого. Этот свой характер, веселого, неунывающего человека мой дядя Толя пронес через всю свою жизнь. Пятый, и самый младший ребенок в семье, — белобрысый мальчик по имени Валентин. В свои полные три года он никак не хотел отвыкать от материнской груди и визжал всякий раз, как только его от нее отнимали. Но в конце концов, хотя и не безболезненно, все же перешел на твердую пищу.

Осень 1940 года выдалась урожайной. Делая запасы на зиму, Евгения Ивановна всегда квасила капусту, добавляя в нее нарезанные соломкой морковь и яблоки, заправляя укропом, гвоздикой и еще какими-то одной только ей известными приправами, обильно пересыпая все это великолепие солью и ставя под гнет. А в лесу в тот год уродилось много грибов и ягод, так что зима обещала быть сытной.

Утром 30 апреля 1941 года вся семья отправилась на деревенское кладбище. Прибрали могилу Григория Ивановича, помянули, как положено по христианскому обычаю, затем молча постояли и отправились восвояси. Время и повседневные заботы, частично зарубцевали душевные раны от потери родного им человека.

Жизнь входила в свое привычное русло.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ВОЙНА

ОККУПАЦИЯ

Воскресенье 22 июня 1941 года выдалось пасмурным. Люди как обычно занимались своей привычной работой. Ничто не предвещало беды, как вдруг у сельсовета стал собираться народ. Односельчане, затаив дыхание, прислушивались к висевшему на столбе репродуктору, из которого доносился голос Левитана, сообщавшего, что 22 июня в 4 часа утра без объявления войны германские войска напали на Советский Союз. Началась Великая Отечественная война. 25 июня старшего сына Евгении Ивановны Александра вызвали повесткой в районный военкомат. А через три дня началась отправка призывников на фронт.

Рано утром 20 ноября 1941 года местных жителей разбудил треск мотоциклетных двигателей и гул тяжелой бронетехники, на которой была изображена фашистская свастика. Затем послышалась немецкая речь, и жители Саламатовки увидели на улицах своей деревни немецких солдат и офицеров, которые по-хозяйски топтали своими тяжелыми армейскими сапогами их малую Родину. Фашисты бесцеремонно вламывались в дома, выгоняли на улицу мирных жителей и сгоняли всех на деревенскую поляну, — ту самую, где когда-то они весело пели песни и танцевали кадрили. Солдаты взяли местных жителей в плотное кольцо, хладнокровно направив в их сторону заряженные автоматы. Затем один из офицеров подошел к жителям Саламатовки. На нем была форма из дорогого сукна, как у старших офицеров. Коверкая русский язык, офицер начал говорить, что германские войска прибыли на территорию Советского Союза с важной миссией, — освободить советский народ от коммунистической заразы. Он обещал всем безбедную, красивую жизнь, новые дома, земельные участки, но только в том случае, если жители их деревни беспрекословно будут подчиняться германским властям и помогать им в свержении коммунистического режима. Затем офицер сказал, что в каждом доме будут расквартированы их солдаты и офицеры и что их надо будет хорошо кормить. Немного помолчав, он добавил, что с сегодняшнего дня в деревне вводится комендантский час. Выходить на улицу после семи часов вечера запрещается. Лица, нарушившие этот запрет, будут расстреляны на месте. Офицер сделал жест рукой, после чего кольцо солдат разомкнулось, и перепуганным деревенским жителям было дозволено возвратиться в свои дома.

«КВАРТИРАНТЫ»

В доме моей родни разместились два офицера и пятеро солдат. Войдя внутрь помещения, они сразу же обыскали дом, забрав все теплые вещи и кое-какую домашнюю утварь. Затем двое солдат залезли в погреб и, обнаружив там половину бочки квашеной капусты, велели Евгении Ивановне спуститься к ним. Рыжеволосый рослый солдат вытащил из ножен свой армейский штык-нож и, подцепив им немного капусты, поднес ко рту Евгении Ивановны. Убедившись, что капуста не отравлена, солдаты набили ей свои котелки и поднялись вверх. В доме они обнаружили сало и хлеб. Достав из своих вещмешков консервы, шоколад и спиртное, солдаты и офицеры, удобно расположившись за деревянным столом, когда-то сделанным умелыми руками Григория Ивановича, стали с усердием набивать свои желудки. После сытной трапезы один из солдат достал из кармана своей гимнастерки губную гармошку и, под пьяное завывание остальных, начал наигрывать какой-то немецкий марш. Ближе к ночи их сильно разморило и «квартиранты» стали укладываться спать. Перед тем как отойти ко сну, один из офицеров что-то сказал своему солдату, и тот, собрав все автоматы в кучу, сложил их у порога. Затем офицер подозвал к себе Евгению Ивановну и приказал ей стеречь автоматы до утра.

А утром в деревне начался настоящий грабёж. Солдаты тащили из домов деревенских жителей все, что только могли унести. Гоняясь по дворам за курами и гусями, они что-то весело кричали на своем языке. Поймав очередную птицу, тут же отсекали ей голову своими острыми, как бритва, армейскими ножами, бросая улов в общую кучу. Затем, довольные своими трофеями, солдаты приказали деревенским женщинам ощипать птицу и приготовить для них обед. Так продолжалось несколько дней.

СИНДРОМ РАЗБИТОГО СЕРДЦА

Справедливости ради надо сказать, что и среди фашистов попадались так называемые гуманисты. Как-то вечером Евгения Ивановна пошла искать свою заблудившуюся корову Зорьку. Наконец, разыскав ее, она погнала Зорьку хворостиной в село. Занимаясь поисками коровы, Евгения Ивановна совсем забыла, что ко-

мендантский час уже давно наступил. Вдруг она услышала за своей спиной громкий голос немецкого солдата, который приказывал ей остановиться. Не оборачиваясь, подгоняя Зорьку, она со всех ног бросилась бежать в деревню. Солдат быстрым шагом шел за ней. Добежав до первого дома на окраине деревни, Евгения Ивановна распахнула дверь в сени и как подкошенная рухнула на земляной пол. Подошедший солдат остановился, направив автомат прямо ей в грудь. На мгновение их глаза встретились. Какое-то время солдат стоял и внимательно смотрел на нее. А затем, вдруг закинув автомат себе на плечо, развернулся и вышел со двора. Через минуту ночная мгла поглотила его рослую фигуру. Сердце Евгении Ивановны колотилось как подстреленная птица. И все же она осталась жива, но после этого случая, стоило ей немного поволноваться, хваталась за левую грудь.

«ИСТИННЫЙ АРИЕЦ»

В пак немецких солдат и офицеров входили макароны, которые они любили готовить на деревенском молоке. Иногда макароны прокисали и солдаты выкидывали их на помойку. Но подбирать отбросы местным голодным жителям строго запрещалось. За этим следовало наказание — порка кнутом.

Как-то раз младший сын Евгении Ивановны Валентин, которому в ту пору шел пятый год, забрался на эту помойку и стал прямо оттуда есть прокисшее месиво. К удивлению местных жителей, вместо того, чтобы проучить ребенка, немецкий солдат подошел к нему и, сказав что-то на ломаном русском языке, погладил по белобрысой голове. Затем он разрешил взять Валентину прокисших макарон и валявшейся тут же картофельной кожуры столько, сколько он сможет унести в своем старом армейском котелке. Позднее выяснилось, чем было вызвано такое милосердие. Оказывается, мой будущий дядька, по мнению фрицев, был очень похож на немецкого мальчика. Видимо, в Германии белобрысые мальчики с конопушками на носу считались эталоном красоты «истинного арийца». Так или иначе, но с тех пор солдаты не запрещали Валентину подбирать на помойке просроченные продукты, и он, как мог, подкармливал свою большую семью.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ОСВОБОЖДЕНИЕ

ВОЗМЕЗДИЕ

Утро 10 декабря 1941 года выдалось морозным. Выглянув в свои окна, жители Саламатовки увидели беспорядочно бегавших по улицам солдат. Офицеры командовали построение. После инструктажа, солдаты, как горох, рассыпались по всей деревне. Они заходили в каждый дом и выгоняли на улицу местных жителей. Затем солдаты принесли горящие факелы и стали закидывать их на крыши домов. Начался пожар.

Разрозненным строем, обезумевших от страха деревенских жителей куда-то гнали по их родным улицам. Едкий дым разъедал глаза. Маша шла с краю. В суматохе она потеряла своих родных и теперь была совсем одна. Вдруг ее кто-то схватил за руку. Обернувшись, Маша увидела соседку тетю Катю. «Попробуй убежать, ты маленькая, в дыму могут и не заметить», — посоветовала ей тетя Катя. Маша выждала момент, когда солдат из оцепления отвернется, и, пригнувшись, выскользнула из толпы односельчан, растворившись в густом дыму.

Добежав до полусгоревшего сарая на окраине деревни, Маша укрылась под его обломками. Какое-то время она сидела, боясь пошевелиться. Сердце ее колотилось, и казалось, вот-вот готово было выпрыгнуть из груди. Вдруг она увидела вдалеке детей, которые бежали в ее сторону. Приглядевшись, Маша узнала в них своих соседей, которые жили в доме напротив. Игорю было семь лет, Коле шесть, а их младшей сестренке Тоне всего три года. Маша вышла к ним навстречу и, взяв на руки Тоню, отвела детей в свое укрытие. Под обломками сарая они просидели до утра, согреваемые тлеющими деревянными головешками. А утром немецкие солдаты стали прочесывать окрестности. Они искали укрывшихся местных жителей, которым вчера под покровом густого дыма удалось убежать. Один из солдат приблизился к сараю, под обломками которого прятались дети. Он стал внимательно осматривать его. Маша поднесла палец к своим губам, показывая всем, чтобы сидели тихо. На всякий случай она закрыла Тоне рот ладонью. Солдат постоял немного возле обломков сарая и, не обнаружив признаков жизни, пошел прочь.

Просидев так до вечера, усталые и голодные дети решили сходить в деревню на разведку. По пути они встретили деда Евсея, одетого в рваный зипун и валенки катанки, которые каким-то чудом не достались немцам. Местные жители прозвали его Долдоном за то, что он очень любил подолгу болтать с каждым встречным-поперечным, отнимая у них время. При этом дед Евсей был безнадежно глуп. Однако дети ему очень обрадовались. «А где все?» — спросила Маша. — «Не зна, не зна», — глотая последнюю букву в слове, ответил дед. Потом добавил: «Убили, всех немцы убили». И уже не обращая внимания на детей, понес ка-

кучо-то несусветной чувш. Маленькая Тоня заплакала. «Надо сходить в деревню и самим все проверить», — сказала Маша. Они пошли дальше. Деревня (вернее то, что от нее осталось) представляла собой печальное зрелище. Почти все дома были уничтожены пожаром. Немцев нигде не было видно, но не было видно и местных жителей.

Проходя по пустынным улицам своей деревни, Маша вдруг заметила, что со стороны леса к ним приближается группа людей. Приглядевшись, она узнала среди них соседку тетю Катю, — маму Игоря, Коли и Тони. Дети, узнав свою мать, кинулись ей навстречу. Казалось, их радости не будет конца.

С тетей Катей было еще три женщины и двое мужчин. «А где остальные? — спросила Маша. — Где моя мама, сестра и братья?» Тетя Катя ответила, что всем односельчанам удалось спастись. Неизвестно, что было бы с ними дальше (возможно, расстреляли на окраине деревни), как вдруг подошедший к колонне людей старший офицер что-то скомандовал солдатам, после чего те сняли оцепление и, запрыгнув в свои мотоциклы, машины и бронетранспортеры, спешно покинули деревню. Вдалеке были слышны разрывы снарядов тяжелой артиллерии. Это советские войска приближались к их деревне, уничтожая врага из своих орудий, и 12 декабря 1941 года Саламатовка была освобождена от фашистских оккупантов бойцами десятой Красной Армии.

Со стороны леса, по широкой проселочной дороге шла толпа уставших, измотанных и голодных людей. Это были жители Саламатовки, возвращавшиеся в свою родную деревню. Бабы плакали, мужики тяжело вздыхали, глядя на обвалившиеся крыши и полусгоревшие стены их домов. Вдруг Маша увидела в толпе свою маму, а рядом с ней сестру Руфину и братьев — Анатолия и Валентина. Она подбежала к ним, затем обняла и вдруг заплакала.

Посоветовавшись, жители деревни решили пока разместиться в домах, которые не очень пострадали от пожара. С продуктами помогали бойцы Красной Армии. Они отдавали изголодавшимся жителям свои пайки — ржаной хлеб, картофель, крупу, макароны, сахар.

Вечером к Евгению Ивановичу подошел ее односельчанин Тимофей, живший на окраине деревни. «Какая вкусная у тебя была овца, Жень», — сказал он, виновато улыбаясь. «Какая овца?» — спросила Евгения Ивановна. Мы овец никогда не держали. «Тогда что за мертвая скотина лежала у тебя во дворе?» Тут Евгения Ивановна все поняла. В суматохе, когда немцы жгли деревню, забыли отвязать Шарика. Бедный Шарик задохнулся в едком дыму и сгорел. Но даже после своей смерти он смог принести пользу людям, отдав всего себя без остатка. И если есть на свете высшая справедливость, то чистая душа Шарика сейчас по праву покоится на небесах, в собачьем Раю.

Время — лучший лекарь и судья. Потихоньку жители Саламатовки заново отстроили свою родную деревню. Немало сил ушло на ее восстановление. Пришлось вырубать значительную часть леса, когда-то бережно охраняемого Григорием Ивановичем. Тогда, в далеком 1941 году никто еще не знал, что это только начало тех испытаний, которые выпали на долю советского народа. Но это уже другая история.

ЭПИЛОГ

Во время Великой Отечественной войны в Тульской области были организованы партизанские отряды, которые громили врага в тылу. В октябре 1941 года Тульский оружейный завод был эвакуирован в город Медногорск Оренбургской области, где выпускалось очень эффективное по тем временам оружие, которое помогало бойцам Красной Армии побеждать врага на полях сражений. А в Саламатовке и других деревнях Тульской области успешно развивалось сельское хозяйство, и значительная часть собранного с полей урожая отправлялась на фронт, под лозунгом «Все для фронта, все для победы!»

Ценой невероятных усилий советский народ одержал героическую победу над фашизмом, и справедливое возмездие настигло этих «истинных арийцев» с их звериной идеологией.

В 1945 году старший сын Евгения Ивановны Александр вернулся с войны в родную деревню. Ему повезло остаться живым, получив на фронте несерьезные ранения. На широкой груди Александра красовались боевые награды, и каждая хранила свою героическую историю.

Шел 1948 год. Подрастало молодое поколение. Руфина из угловатого подростка превратилась в привлекательную девушку. Вечерами она частенько бегала в соседнюю деревню на танцы. Там и познакомилась с Михаилом. Михаил был серьезным парнем и работал трактористом в своей деревне. Вскоре он сделал Руфине предложение руки и сердца, и, получив благословение Евгения Ивановны, они сыграли свадьбу. К тому времени Маша окончила школу и стала задумываться о своем будущем. Поразмыслив и посоветовавшись со своей семьей, она решила ехать в Москву, поступать в Московский химико-технологический институт имени Д. И. Менделеева.

А дальше, как в песне, — «Нас улица шумом встречала, звенела бульваров листва, вступая под своды вокзала, шептали мы: «Здравствуй, Москва».

В приемной комиссии института Маше сказали, что в этом году большой конкурс, и еще сказали, что при поступлении учитывается стаж работы на химическом предприятии.

Немного подумав, Маша решила поступать, но, не добрав всего два балла, на этом не остановилась. Она

забрала в приемной комиссии свои документы и отправилась в отдел кадров московского химического завода. Там, после собеседования, ей предложили должность кладовщицы на складе химреагентов. Маша с радостью согласилась. В тот же день ей дали место в заводском общежитии. В комнате, вместе с ней жили еще три молодые девушки — Катя, Люба и Чита. Быстро найдя с ними общий язык, Маша вскоре подружилась с девушками. Они вместе ездили на работу, вместе проводили свободное время. Начиналась интересная и совершенно новая жизнь.

А в 1951 году из Саламатовки в Москву перебралась вся Машина родня. Евгения Ивановна ехать не хотела. В Саламатовке прошла вся ее жизнь, там покоится прах ее мужа. Но жить в деревне становилось все труднее, а Москва нуждалась в рабочих руках. И, в конце концов, приняли решение ехать. Первое время жили на съемной квартире. Александр и Михаил устроились на работу на строительство московского метрополитена. Через несколько месяцев Александру дали небольшую комнату в подмосковном Перово (в доме, который в послевоенное время был построен пленными немцами). Жили в тесноте, но зато это было свое жилье. А через полгода Михаил получил комнату в деревянном доме, и они с Руфиной переехали на окраину Москвы.

Маше так и не суждено было поступить в институт. Судьба распорядилась иначе. Однажды, она случайно обронила свой паспорт на улице. На следующий день к ней в общежитие пришел молодой симпатичный парень. На вахте он спросил Маршавину Марию Григорьевну. Когда Маша вышла к нему, парень поздоровался, представившись Виктором. Затем он достал из своего кармана паспорт и протянул Маше. Поблагодарив Виктора, она хотела было уйти к себе в комнату, но тут Виктор предложил: «А давайте сходим с вами в кино». Немного подумав, Маша согласилась. Постепенно между ними завязались отношения. Виктор оказался уроженцем Курской области, но жил в городе Мурманске и работал мотористом на рыболовецком траулере. Через несколько дней Виктор уехал в Мурманск, и какое-то время они с Машей переписывались. Однажды, придя из очередного рейса, Виктор приехал в Москву и сделал ей предложение выйти за него замуж. Маша согласилась. Получив благословение Евгении Ивановны, молодые поженились и вскоре уехали в Заполярный город Мурманск.

Шло время. Дети Евгении Ивановны выросли, обзаводились своими семьями и разлетались по разным уголкам необъятной Москвы. И вот однажды Евгения Ивановна осталась совсем одна в своей маленькой коммуналке в Перово. В комнате стало непривычно тихо и пусто. И только строгий лик иконы Божьей матери с младенцем на руках, как бы говорил ей: «Ты не одна, с тобой Бог». Дети иногда навещали свою маму, но работа и повседневные заботы не позволяли им видеться часто.

Умерла моя бабушка в 1978 году от сердечного приступа. Невыпущенная пуля из автомата того немецкого солдата, в далеком 1941 году, пронзив время, все же настигла ее, поразив в самое сердце.

На похороны съехалась вся наша родня. Пришли и соседи по коммуналке. На общественной кухне накрыли поминальный стол. Когда стали готовить кутью, то оказалось, что в доме нет меда. Кто-то из родственников сходил в бабушкину комнату и нашел в ее серванте баночку варенья из мирабелы. Вместо меда добавили в кутью бабушкино варенье.

Народа за столом собралось много. Поминали Евгению Ивановну добрыми словами. Вспоминали истории из ее жизни, но мало кто знал, через какой ад пришлось пройти этой смелой и мужественной женщине. Я сидел напротив тарелки с кутьей, заправленной бабушкиной мирабелью, и странное чувство переполняло меня. Казалось, что вот сейчас на кухню войдет моя старенькая бабушка и приветливо улыбаясь, скажет: «Сейчас картошечки наворим», а затем достанет из своего волшебного старинного серванта заветную баночку моего любимого варенья из мирабелы, и мы, как и прежде, будем пить чай, весело и беззаботно проводя время.

А в 2004 году умерла моя мама. На ее похороны из Самары в Мурманск я ехал поездом с пересадкой через Москву. В запасе у меня оставалось часа четыре, и я решил съездить в Перово посмотреть на дом, в котором когда-то жила моя бабушка Евгения Ивановна. Дом я нашел почти сразу. Он был огорожен мрачным темным забором и представлял собой печальное зрелище. В нем давно уже никто не жил. Я подошел поближе и заглянул через забор. Единственное окно бабушкиной комнаты было открыто настежь. Я стал внимательно вглядываться в его пустую глазницу, будто пытаюсь что-то разглядеть в глубине комнаты. Вдруг мне почудилось, что из темного окна до меня донесся голос моей старенькой бабушки: «Ну что, внучек, поумнел?» — «Поумнел, бабушка, поумнел», — ответил я, и легкий ветерок, подхватив мои слова, унес их в далекие заоблачные дали, — туда, где мирно покоились души моих предков...

